

П. А. Алипов

**Судьба теории Родбертуса – Бюхера в России:
критика диссертации И. М. Гревса современниками**

Направление развития антиковедческих исследований в Европе в конце XIX – начале XX в. невозможно себе уяснить, не имея в виду широкой научной дискуссии, которая была спровоцирована немецким учёным Карлом Бюхером. Сама теория экономического развития мира, которую он предложил и о которой пойдёт речь ниже, в общем-то даже не была в полном смысле слова его собственной инновацией, а являлась своего рода усовершенствованием и развитием концепции известного экономиста И.-К. Родбертуса-Ягетцова¹, выдвинутой тем ещё в 60-е гг. XIX в.² Но именно после опубликования в 1893 г. труда К. Бюхера «Возникновение народного хозяйства»³ сформулированная этими учёными система взглядов по данному вопросу обратила на себя пристальное внимание со стороны коллег, которые сразу же вступили в острую полемику с автором указанного сочинения. Причём наибольшее число контраргументов прозвучало из уст именно историков-антиковедов, поскольку оценка как раз экономической эволюции древнего мира оказалась наиболее уязвимым звеном в цепи его рассуждений. Они никак не могли смириться с идеей К. Бюхера о том, что вся история античной экономики может быть втиснута в рамки домового хозяйства, когда каждая хозяйственная единица потребляет только то, что сама же и производит, то есть когда практически полностью отсутствует обмен продукцией между различными хозяйственными единицами, даже смежными. Мы не ставим перед

¹ Кареев Н. И. Книга г. Гревса о римском землевладении [окончание] // Русское богатство. 1900. № 12. С. 13.

² Бузескул В. П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие // Русская мысль. 1900. № 2. С. 73.

³ Немировский А. И. Историография античности конца XIX – начала XX в. (1890–1917). Начало кризиса буржуазной исторической мысли // Историография античной истории. М., 1980. С. 144–145.

Алипов Павел Александрович, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: palipov@mail.ru

© П. А. Алипов, 2009

собой задачу проследить, как разворачивалась дискуссия вокруг теории Родбертуса – Бюхера в европейской историографии, поскольку на эту тему существует уже немало работ, так что данный сюжет оказался освещён даже в некоторых учебных пособиях¹. В рамках нашего исследования мы попытаемся выяснить, в каком масштабе указанная полемика затронула отечественную историческую науку. Рассмотрение этого вопроса весьма важно для того, чтобы понять, в какой мере российское антиковедение конца XIX – начала XX в. было включено в общеевропейскую проблематику, насколько отечественные историки чувствовали себя частью мировой исторической науки.

Так случилось, что в России появился только один сознательный сторонник концепции Родбертуса – Бюхера – И. М. Гревс, который в своей магистерской диссертации² уделил значительное место доказательству основных её положений³. Этот весьма пространный труд объёмом более 600 страниц сразу же вызвал бурную реакцию в научном сообществе: с небольшими перерывами вышли по меньшей мере пять отзывов на монографию⁴, причём многие из них представляют собой не просто стандартные рецензии, но вылились в самостоятельные рассуждения о том, насколько возможно в принципе принять аргументацию К. Бюхера и его русского последователя. Поскольку границы настоящего исследования по естественным при-

¹ *Немировский А. И.* Историография античности конца XIX – начала XX в. (1890–1917). Начало кризиса буржуазной исторической мысли // *Историография античной истории.* М., 1980. С. 144–145.

² *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1.

³ См. подробнее: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 2006. С. 386–388.

⁴ [Без автора]. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1 // *Русское богатство.* 1900. № 7. С. 33–38; *Зелинский Ф. Ф.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1. // *Журнал министерства народного просвещения.* 1900. Июль. С. 156–173; *Он же.* Из экономической жизни древнего Рима // *Вестник Европы.* 1900. Август. С. 586–624; *Ростовцев М. И.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1. // *Мир Божий.* 1900. № 4. С. 95–99; *Кареев Н. И.* Книга г. Гревса о римском землевладении // *Русское богатство.* 1900. № 11. С. 1–27; № 12. С. 1–20.

чинам ограничены, мы сосредоточимся на рассмотрении лишь трёх из этих отзывов, ведь рецензии М. И. Ростовцева и Н. И. Кареева настолько фундированы, что могут служить материалом для самостоятельных работ. Таким образом, в поле нашего внимания попадают два отзыва Ф. Ф. Зелинского и один отзыв анонимного автора, но даже они являются неоспоримым свидетельством того, с каким жаром отечественная наука вступила в инспирированную немецким учёным полемику.

Итак, одной из рецензий, появившихся в печати после защиты И. М. Гревсом своего квалификационного сочинения, стала статья неизвестного автора, опубликованная в июльском номере «Русского богатства»¹. Почему она не имеет под собой никакой подписи, сказать трудно. Возможно, автор рецензии попросту не захотел портить личных отношений со своим научным оппонентом, боясь, что слишком критический тон заметки вызовет негативную реакцию со стороны коллеги. Надо сказать, что в рецензии, действительно, достаточно скрупулёзно подмечены многие неточности и упущения И. М. Гревса. Причём с особой тщательностью и с определённой долей сарказма перечислены те предположения автора диссертации, которые имеют под собой весьма слабую доказательную базу, свидетельством чего служат, по мнению рецензента, слишком часто употребляемые им речевые обороты типа «может быть», «вероятно» и пр.² Из этого анонимный критик делает вывод о слишком гипотетическом характере работы И. М. Гревса³, что, конечно же, является её серьёзным минусом.

Последнее имеет прямое отношение к рассматриваемому нами вопросу, поскольку рецензент, указав на бездоказательность многих построений автора диссертации, высказывает своё недоумение по поводу того, что он зачем-то поместил в ней «особый очерк, посвящённый общей проверке теории К. Бюхера в её приложении к римской истории»⁴. Ведь при таком положении дела оказывается, что И. М. Гревс, хотя в общем достаточно убедительно критикует возражения Эд. Мейера (главного европейского оппонента данной концепции), направленные против построений немецкого учёного, сам не мо-

¹ [Без автора]. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи).

² Там же. С. 36–38.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же.

жет привести серьёзных доводов в пользу своей концепции. Как отмечает рецензент, автор работы обещает сделать это в будущем. Но тогда отстаиваемый им с таким жаром синтез оказывается слишком преждевременным, так как не проведён ещё должным образом анализ. Последнее видно хотя бы уже из того, что И. М. Гревс, пытаясь защитить свои гипотетические построения, вынужден даже прибегать к весьма сомнительному постулату о «добросовестной научной вере», их вызывающей. Соответственно вывод, делаемый рецензентом, весьма неутешителен. Он полагает, что русский сторонник теории К. Бюхера не обладает достаточным количеством аргументов, которые помогли бы ему серьёзно отстаивать её основные положения¹. А значит, своей цели он не достигает.

В то же самое время, но уже в другом научном журнале вышла рецензия на диссертацию И. М. Гревса, принадлежащую перу другого, на этот раз более смелого, историка – Ф. Ф. Зелинского², которая показала, между прочим, что анонимный автор совершенно зря опасался открыть своё лицо, поскольку не он один имел серьёзные претензии к молодому антиковеду. Сам Ф. Ф. Зелинский как исследователь вопросами экономической истории античности не занимался, но в данном случае он решил затронуть и эту проблематику, что свидетельствует о том, какое значение в принципе он придавал осмыслению новейших теорий, возникающих в недрах антиковедения. Текст статьи состоит из нескольких разделов, большая часть которых призвана дать специальную критику исследования молодого историка, шаг за шагом³. Однако нас в данном случае интересует лишь заключительный раздел очерка, посвящённый как раз проблеме интерпретации И. М. Гревсом теоретических построений Родбертуса – Бюхера⁴.

Ф. Ф. Зелинский отмечает, что для И. М. Гревса теория немецких учёных стала «средством познания экономического строя классической древности»⁵. Тем самым он даёт понять, что их интеллектуальное построение явилось для русского

¹ [Без автора]. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи).

² *Зелинский Ф. Ф.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения...

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 169–173.

⁵ Там же. С. 170.

антиковеда неким стартовым моментом, то есть он подбирает факты, заранее имея в голове уже чётко сформулированную схему, а не наоборот, как было бы, если бы его эмпирический материал позволял сделать определённые выводы теоретического характера. Рецензент отдаёт должное тому факту, что И. М. Гревс вполне знаком с аргументацией противников К. Бюхера, которая, вероятно, и повлияла на то, что в итоге он решил внести некоторые коррективы в известную схему. Так, он вынужден был признать, что даже древняя история Рима не в полной мере укладывается в формулу домового (или, как его называет Ф. Ф. Зелинский, экического) хозяйства. Чем дальше во времени движется история Римского государства, тем очевиднее становятся несоответствия приведённой выше схеме, причём наиболее выпукло это несоответствие проявляется для эпохи заморских войн Римской державы, когда «мы видим полное развитие денежного, а стало быть уже никак не экического, хозяйства, так как эк (то есть дом в терминологии Ф. Ф. Зелинского. – П. А.) и деньги – понятия, взаимно исключают друг друга»¹. При этом искреннее удивление старшего коллеги И. М. Гревса вызывает дальнейший ход его мысли. Молодой учёный вопрошает: «Разве Бюхер не знал всех этих фактов?». Совершенно очевидно, что знал и при том остался на своих позициях. Вот эта ничем не объяснимая в данном контексте твёрдость К. Бюхера почему-то (и Ф. Ф. Зелинский не знает, почему) передалась и его русскому последователю².

Рецензент на этом не останавливается и продолжает искать те ограничения, которые И. М. Гревс налагает на теорию немецких учёных. Оказывается, что для него история древней Греции и эллинизма также не укладывается в рамки концепции К. Бюхера, то есть, по сути, только Рим в той или иной степени ей удовлетворяет. Этот пункт рассуждений молодого антиковеда оказывается для Ф. Ф. Зелинского наиболее удобным, для того чтобы высказать свои контраргументы. Он напоминает, что римская эпоха последовала за эллинистической, но тогда «куда же девается стройность теории, если мы не от экического хозяйства переходим к городскому и народному,

¹ Зелинский Ф. Ф. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения... С. 171.

² Там же.

а наоборот, от городского и народного к экическому?»¹. Таким образом, получается, что если принять все оговорки и ограничения, которые сам же И. М. Гревс налагает на теорию К. Бюхера, то она рассыпается, теряя всю свою внутреннюю стройность и убедительность. По мнению же Ф. Ф. Зелинского, экическая система уже с I в. до н. э. перестала играть главенствующую роль в римской экономике, сосуществуя в этот период с более совершенными формами хозяйствования. Своё положение она возвращает себе к III в., то есть к началу упадка Рима. Всё это время она держится только благодаря наличию в Римском государстве крупной земельной собственности – так называемых латифундий, которые представляют собой не что иное, как колоссальных размеров эки². Тем самым автор рецензии обозначает своё собственное понимание экономического развития древнего Рима, резко отличающееся от схемы Родбергуса – Бюхера даже в смягчённом И. М. Гревсом варианте.

Ровно через месяц появляется ещё один очерк Ф. Ф. Зелинского³, где рассматриваются теперь уже сразу две магистерские диссертации: одна из них – это уже знакомая нам работа И. М. Гревса, другая же – плод многолетних трудов ещё одного молодого антиковеда той поры – М. И. Ростовцева, при этом критика подаётся в сравнительном ракурсе. Однако в данном случае оценка Ф. Ф. Зелинским второго из упомянутых историков нас интересует в гораздо меньшей степени, чем первого.

Прежде, чем перейти к непосредственному анализу сочинений своих молодых коллег, маститый антиковед считает своим долгом сделать ряд предварительных замечаний относительно того, в каком состоянии находилась на тот момент разработка экономической проблематики в истории древнего мира. По его мнению, количество работ по указанному кругу вопросов явно недостаточно, причём ситуация довольно плачевна как у нас, так и на Западе⁴. Соответственно уже сама решимость молодых авторов заниматься экономической историей античности заслуживает всяческого уважения.

¹ *Зелинский Ф. Ф. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения...* С. 172.

² Там же.

³ *Он же. Из экономической жизни Древнего Рима...*

⁴ Там же. С. 586–587.

Вместе с тем рецензент отмечает, что в принципе такое научное направление, как политическая экономия, переживает в данный момент определённый подъём, становясь всё более популярным у специалистов, занимающихся изучением самых разных периодов истории человечества. Причём популярность эта имеет и свои отрицательные стороны, главной из которых можно назвать раздробленность и размытость теоретической базы исследований подобного рода. Ф. Ф. Зелинский указывает, что здесь есть «несколько резко обособленных и воюющих друг с другом направлений, по всему гораздо более напоминающих вероисповедания, чем научные системы»¹. Нетрудно догадаться, что опытный антиковед недвусмысленно намекает на спор сторонников концепции К. Бюхера и их оппонентов главным образом в лице Эд. Мейера, К. Ю. Белоха и Р. Пёльмана. При этом главная проблема ему видится в том, что за выяснение экономического и социального строя античности берутся не специалисты, имеющие необходимую для этого подготовку, а, как правило, экономисты и социологи, которые не обладают навыками самостоятельной работы с историческими источниками, а потому зачастую подгоняют имеющийся у них в распоряжении эмпирический материал под некие абстрактные формулы, носящие априорный характер². Тем самым серьёзная и действительно необходимая работа попросту профанируется. То, что за изучение этих вопросов наконец-то взялись сами историки-антиковеды, конечно, не может не вызывать у Ф. Ф. Зелинского чувства одобрения.

Переходя теперь уже непосредственно к разбору названных работ и конкретно к диссертации И. М. Гревса, рецензент выделяет такие её характерные черты, как широкая и солидная эрудиция её автора, использование им преимущественно литературных свидетельств, трепетное отношение к научному наследию, оставленному его предшественниками³, и главное – живой интерес к окружающей действительности, то есть к современности⁴. Как полагает Ф. Ф. Зелинский, для любого историка чрезвычайно важно всегда помнить об отношении отдалён-

¹ Зелинский Ф. Ф. Из экономической жизни Древнего Рима... С. 587.

² Там же. С. 588.

³ Там же. С. 589.

⁴ Там же. С. 590.

ных эпох прошлого к современности, так как «именно это отношение и должно служить мерилем ценности для нас данной эпохи, а стало быть, и ценности их [учёных. – П. А.] трудов о ней»¹. Но и наоборот, важно привлекать современный опыт для решения загадок прошлого. Так что И. М. Гревс заслуживает всяческих похвал, поскольку не поленился съездить туда, где в древности располагалось имение Горация, и узнать, как там сейчас живут мелкие собственники, ведь это ему в чём-то помогло прояснить положение таких же мелких собственников, живших в I в. н. э.² И хотя прямых параллелей рецензент увидел не так много, однако, по его мнению, само «чувство действительности» проходит в полном объёме через всю монографию³. Это, конечно же, по его мнению, большой плюс рассматриваемого сочинения.

Не следует при этом думать, что вторая рецензия Ф. Ф. Зелинского оказалась гораздо более положительной в отношении диссертации И. М. Гревса, чем первая. Главной претензией к нему как тогда, так и сейчас, стала его приверженность теории экономического развития человечества, предложенной К. Бюхером. Ф. Ф. Зелинский, оставаясь верным до конца своей мысли, что никогда не следует подводить эмпирические данные под абстрактную теорию, видит основной недостаток рецензируемой им диссертации как раз в её «подгонке» под такую априорную концепцию⁴. Он уверен, что И. М. Гревс по какой-то причине посчитал нужным прикрыть предложенную им схему развития италийского землевладения какой-либо общеэкономической эволюционной формулой⁵. Проблема, на взгляд Ф. Ф. Зелинского, как раз в том и заключается, что вместо того чтобы выработать свою собственную теорию, молодой антиковед посчитал нужным втиснуть полученные им в ходе исследования данные в рамки теории чужой. Однако такая комбинация на практике редко бывает осуществима, что отчётливо видно и в нашем случае, поскольку И. М. Гревс вынужден сделать ряд оговорок, уточняющих и корректирующих концепцию Родбертуса – Бюхера⁶.

¹ *Зелинский Ф. Ф.* Из экономической жизни древнего Рима... С. 590.

² Там же. С. 590–591.

³ Там же. С. 591.

⁴ Там же. С. 599.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Ф. Ф. Зелинский в своей второй рецензии продолжает искать противоречия в труде молодого коллеги, вызванные несовпадением его конкретных результатов с той схемой, под которую их пытается подвести автор исследования. Надо признать, что ему удаётся обнаружить новые по сравнению с первым очерком упущения И. М. Гревса. Антиковед отмечает идею последнего о «временном подавлении домашнего хозяйства усиленным прогрессом экономического взаимодействия между хозяйственными единицами и группами в эпоху первых императоров»¹. Но ведь параллельно этому явлению, утверждает Ф. Ф. Зелинский, стоит и другое явление в области аграрных отношений, а именно борьба, последовательно проводимая принципатом с крупным аристократическим землевладением (а оно-то и есть оплот домового, или домашнего, хозяйства). Для борьбы же нужна армия. А если при этом признать правильным утверждение И. М. Гревса о полном исчезновении мелкой земельной собственности к эпохе Августа, то получается, что императоры этой армии попросту не имели (ибо её не из кого было набирать)². Таким образом, Ф. Ф. Зелинский даёт понять, что даже с учётом внесённых в теорию К. Бюхера оговорок И. М. Гревс не может распутать до конца тот клубок противоречий, который со всей неизбежностью возникает тогда, когда его собственные выводы он пытается скрестить с чужеродной для них теорией.

Подводя итог сказанному, мы можем с полным на то основанием утверждать, что отечественное антиковедение рубежа XIX–XX вв. осознавало себя неотъемлемой частью европейской исторической науки. Поэтому всякая новая теория, новая концепция, возникающая в её недрах, сразу же становилась предметом широкого обсуждения российских учёных. При этом, как мы видим, все эти концепции осмысливались творчески. Каждый историк старался взять из них только то, что соответствовало его научным убеждениям, явившимся следствием его личного исследовательского опыта: бездумного копирования не допускалось. Судьба теории Родбертуса – Бюхера на русской почве служит тому чрезвычайно ярким подтверждением. Со стороны одних учёных она вызвала резкое неприятие, другие пытались, несколько скорректировав её, приспособить

¹ Зелинский Ф. Ф. Из экономической жизни Древнего Рима... С. 590.

² Там же. С. 599–600.

бить к результатам своих собственных изысканий. Так, если сам К. Бюхер относит всю древность к эпохе домового хозяйства, то И. М. Гревс применяет эту схему только по отношению к Риму, при этом исключая из неё так называемый период раннего принципата, а Ф. Ф. Зелинский, принципиально протестуя против попыток подведения эмпирических данных под некие априорные концепции, утверждает, что система домового хозяйства даже в Риме изжила себя уже к I в. до н. э., но затем возродилась к III в. н. э., то есть ко времени упадка Римской империи, заглушив по разным причинам более развитые экономические формы, существовавшие в этом государстве. Соответственно никто не взял теорию Родбергуса – Бюхера в качестве чистого шаблона. И данный факт снова и снова со всей очевидностью подтверждает, что русское антиковедение в рассматриваемый период шло в ногу со временем, в ногу с ведущими европейскими школами, каковое положение, к сожалению, будет им утеряно в советскую эпоху. Но от этого опыт, накопленный нашими историками рубежа XIX–XX вв., становится для нас сегодня лишь ценнее и актуальнее.